

и а д е в а — «Неизвестные во Франции топонимические названия исторических мест по данным осетинского языка» (№№ 1, 2) и др. В одном из академических изданий будет опубликована специальная рецензия, посвященная журналу «Oss-Alanes»).

М. И. Исеев

Р. Г. Пиотровский. Очерки по грамматической стилистике французского языка. Морфология. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. 169 стр. (Б-ка филолога).

Книга Р. Г. Пиотровского является первым в советском языковедении опытом изучения строя французского языка в плане стилистическом. Работа состоит из «Введения» (стр. 3—35), излагающего точку зрения автора на предмет стилистики в целом, и четырех глав: «Имя существительное» (стр. 36—82), «Имя прилагательное и его грамматические синонимы» (стр. 83—90), «Местоимение» (стр. 91—114) и «Глагол» (стр. 115—181). В отдельных главах дается грамматико-стилистика характеристика соответственных частей речи с привлечением достаточно большого иллюстративного материала. В конце книги дана библиография (стр. 182—187), расположенная по темам.

Во «Введении» Р. Г. Пиотровский так определяет предмет и задачи стилистики: «Вопросами выбора языковых средств для точной и выразительной передачи того или иного содержания мысли занимается с т и л и с т и к а» (стр. 4). Автор вводит следующие понятия и термины: «Стилистика общенационального языка» (стр. 9—26), «Стилистика литературно-художественной речи» (стр. 27—31) и «Грамматическая стилистика» (стр. 31—35). Не все изложенное во «Введении» представляется бесспорным и равноценным. Однако если противопоставление двух стилистик — общенационального языка и индивидуально-художественной или литературно-художественной речи, проводимое автором, может вызвать сомнения¹, то никаких возражений, по нашему мнению, не может быть против выделения так называемой «грамматической стилистики», обоснование которой излагается во «Введении» и определяет собой и все дальнейшее построение книги.

Думается, что автора можно утешить в том, что в своих теоретических положениях он недооценивает значения для стилистики экспрессивного, эмоционального фактора, ограничиваясь лишь упоминанием об «экспрессивно-оценочных возможностях грамматического факта» (стр. 33) и краткими замечаниями об «оценочно-выразительной характеристике (экспрессии) языкового элемента» (§ 19, стр. 25—26). В данном случае теоретическая часть книги Р. Г. Пиотровского («Введение») выступает в явное противоречие с последующими четырьмя главами, которые являются своего рода «стилистикой в действии», т. е. описанием и истолкованием стилистически окрашенных конкретных грамматических явлений французского языка. Во «Введении» эмоционально-чувственному, образному в стилистической системе языка уделено очень мало внимания, но в последующем изложении, при стилистическом анализе языковых фактов, автор пользуется почти на каждой странице такими характеристиками, как: «эмоциональное подчеркивание» (стр. 37); «аффективная заостренность», «пластичность и живописность» (стр. 38); «разговорно-экспрессивная окраска» (стр. 40); «функции художественно-эмоционального», «отчетливая экспрессивно-художественная заостренность» (стр. 42) и т. п. Мы позволили себе произвести небольшой статистический подсчет: на 144 страницах книги (от стр. 36 до стр. 180) автор 83 раза привлекает подобные эпитеты. Мы не только не возражаем против широкого привлечения понятия «образности» в трактовке стилистических явлений, но считаем это вполне и даже единственно закономерным. Р. Г. Пиотровский своим изложением фактического материала подтверждает этот тезис, который, однако, не находит себе достаточно полного отражения в теоретической части исследования.

Другое возражение автору состоит в том, что он, хотя и устанавливает границы между грамматикой и грамматической стилистикой (стр. 33—35), но границы эти недостаточно отчетливы, в в дальнейшем изложении можно обнаружить явное смешение стилистических явлений с грамматическими. Мы полагаем, что всякому стилистическому истолкованию непременно должен предшествовать тщательный грамматический, а иногда и лексико-грамматический анализ. Другими словами, если мы рассматриваем какое-либо грамматическое явление в стилистическом плане, то «стилистика начинается там, где кончается грамматика»².

¹ Сам автор признает, что «практически явления стилистические (т. е. явления, находящиеся в сфере общезыковой стилистики) и явления стиливые (явления, присущие стилистике индивидуально-художественной) трудно разграничить, поскольку они находятся в постоянном взаимодействии» (стр. 28—29).

² Б. А. К р ж е в с к и й, Курс лекций по стилистике. I ЛГУИЯ. Стенограмма от 16 октября 1952 г., стр. 14.

Постараемся проиллюстрировать указанное положение конкретными примерами. На стр. 52—54 в главе «Имя существительное» автор говорит об употреблении множественного числа существительных абстрактных и обозначающих единственные в своем роде предметы. Совершенно правильно указывается, что подобное употребление «пращает повествованию оттенок наглядной живописности» (стр. 52), «служит для писателей-реалистов средством более наглядного пластического изображения различных психологических категорий» (стр. 53). Однако дальше приводятся отрывки, где множественное число абстрактных существительных, по словам автора, или передает оттенок «простой интензивности» (стр. 53): «Elle était grande et mince, de cheveux roux, avec un visage poyé d'indifférence, où ses yeux gris mettaient par moments... les terribles fains de l'égoïsme» (Zola, Au Bonheur des Dames) «Рыжеволосая г-жа Гибаль, выскокая в тонкая... Лицо ее выражало полнейшее равнодушие, но серые глаза... порою загорались чудовишной жадностью», или в комбинации с глагольными речениями *c'étaient, ce furent* «становится средством передачи видового значения итеративности (повторяемости) действия»: «Ce furent de longs oublis sur la terrasse...» (Zola, Le docteur Pascal) «Они проводили на террасе долгие самозабвенные часы»; «Et c'étaient des tendresses!... et puis des rires!... (Mérimée, Carmen) «И нежности!... и смехи!» (стр. 53—54). В данном случае у автора происходит смешение стилистики, грамматики и лексики. В первом отрывке ничто не дает нам права усматривать простую интензивность. Здесь использованы стилистические средства: описание внешнего облика женщины необычайно выразительно, живописно. Золя представилось необходимым прибегнуть к образу, потому что иначе, без этого образа, нельзя было выразить данное содержание. Однако здесь не только стилистический эффект наслаивается на грамматическое явление — употребление множественного числа для абстрактных существительных, но весьма большую роль, которую необходимо учесть, в данном отрывке играет необычайность лексических сочетаний, особый отбор лексического материала.

Во втором и третьем примерах (фразы из Золя и Мериме) чисто грамматический момент (итеративность) выражается глагольной формой и употреблением множественного числа существительных. Налицо грамматическая характеристика, а стилистическую следует обосновать иначе.

Недостаточное размежевание грамматики и стилистики, отсутствие предварительного грамматического анализа, на основании которого только и может строиться стилистическое истолкование, особенно дает себя чувствовать в разделе «Артикль» (Глава I — «Имя существительное», стр. 56—82). В начале изложения Р. Г. Пиотровский высказывает правильную мысль о том, что для грамматической стилистики очень важно точное определение грамматического значения различных форм артикля (стр. 56). Затем автор говорит о вторичных дополнительных оттенках, свойственных артиклю, которые и дают «устойчивые стилистические типы употребления артикля, несущие экспрессивно-художественную окраску» (стр. 59). С этим надо согласиться. Но приводимые в дальнейшем объяснения и языковые иллюстрации к ним вызывают самые серьезные возражения: «Non seulement le style c'est l'homme, mais le style c'est un homme, une réalité physique et vivante» (Thibaudet, G. Flaubert). «Стиль — это не только человек [человек вообще. — О. К.], стиль это какой-то человек [одни из людей. — О. К.], физическая, живая реальность».

Во фразе Тибоде чередование определенного и неопределенного артиклей несет только грамматическую нагрузку. Аналогичное значение имеет неопределенный артикль и в примерах из Руссо и Лафрета (стр. 64). Стилистическое объяснение Р. Г. Пиотровского представляется мало убедительным: «Употребление неопределенного артикля при существительном *homme* «человек» выдвигает на первый план образ живого человека, сосредоточивая внимание читателя на его физической природе или внешнем облике» (стр. 64).

На стр. 66 дан отрывок из Эркмана-Шатриана: «Mais déjà la ferme était pleine de bruit: dans la cour, le coq, les poules, le chien, tout allait, venait, caquetait, aboyait. Dans la cuisine, les casseroles tintaient, le feu pétillait, les portes s'ouvraient et se refermaient» (Erckmann, Chatrian, L'Ami Fritz) «Но ферма была уже наполнена шумом: во дворе петух, куры, собаки — все ходило, приходило, кудахтало, лаяло. В кухне кастрюли звенели, огонь трещал, двери открывались и вновь закрывались».

Картина шумной сутолоки, нарисованная здесь писателем, складывается из всего контекста, из искусно подобранного сочетания существительных и глаголов. Эта картина не была бы нарушена употреблением неопределенного артикля вместо определенного; это внесло бы, разумеется, новый оттенок, но оттенок грамматический, не разрушающий образного представления.

Думается, что в приведенных на стр. 69 отрывках нельзя заменить определенный артикль неопределенным, не исказив смысла высказывания: «Elle y revit les jours de son enfance, le château dans lequel elle passait les grands étés tristes, les bois taillés, le parc humide et sombre, le bassin où dormaient les eaux vertes, les nymphes de marbre sous le marronniers et le banc sur lequel elle pleurait et désirait mourir» (A. France, Le Lys rouge) «Она там увидела вновь дни своего детства, замок, в котором она не раз проводила длинное грустное лето, подстриженные рощи, сырой и мрачный парк, бассейн

с сонными зелеными водами, мраморные нимфы под каштанами и скамейку, на которой она плакала и хотела умереть».

На стр. 70 Р. Г. Пиотровский приводит фразу из книги Симоны Тери о Д. Казанова. С. Тери говорит о фашистах: «Ils voulaient surtout... tuer en ces hommes l'humain, leur arracher tout ce qui fait la noblesse, la dignité, la grandeur de l'homme, les avilir...» (S. Téry, *Du soleil plein le cœur*) «Им [т. е. фашистам.—О. Р.] особенно хотелось... убить в этих людях все человеческое, вырвать из них все то, что составляет благородство, достоинство, величие человека, принизить их...». Замена в этом случае определенного артикля неопределенным не привела бы к разрушению единства образа, как полагает Р. Г. Пиотровский, а была бы просто невозможной, противоречащей языковой норме.

Сомнительным представляется утверждение автора, что «неожиданность появления в ходе повествования отдельных предметов подчеркивается употреблением неопределенного артикля» (стр. 71). В иллюстрирующих это положение примерах из Доде постановка определенного артикля не изменила бы художественно-выразительную систему этих отрывков, но внесла бы различия грамматического характера.

На наш взгляд надуманным является стилистический анализ следующего отрывка: «Dans la plaine rase, sous la nuit sans étoiles... un homme suivait seul la grande route de Marchiennes à Montsou... à travers les champs de betteraves. Devant lui, il ne voyait même pas le sol noir, et il n'avait la sensation de l'immense horizon plat...» (Zola, *Germinal*). В густом мраке беззвездной ночи по большой дороге из Маршьенна в Монсу... шел одинокий путник, шагая напрямиком через доли свекловичные... Он не видел перед собой в темноте даже земли и лишь чувствовал, что идет по открытому месту...»

Мы позволим себе привести разъяснение Р. Г. Пиотровского по данному поводу: «В этом отрывке существительные с определенным артиклем обозначают элементы мрачного ночного пейзажа, являющегося фоном повествования. Эта мрачная картина как бы предвещает жестокую мрачную действительность жизни шахтеров, с которой суждено познакомиться герою романа Этьену (un homme), сейчас шагающему посреди этого ночного пейзажа к шахтерскому поселку в надежде найти там работу» (стр. 76).

Нам представляется, что автор «Отрывков по грамматической стилистике французского языка» несколько преувеличивает стилистические возможности артикля. Они весьма ограничены именно, может быть, в силу его многообразных и взаимно переплетающихся грамматических значений.

Никто не ставит отрицать, конечно, что иногда артикль во французском языке выполняет образную функцию, например при собственных именах и фамилиях (стр. 77—79 рецензируемой книги). К области стилистики относятся некоторые случаи неупотребления артикля. Очевидно, в стилистических целях иногда в суперлативе появляется неопределенный артикль, вопреки совершенно ясной грамматической норме — использованию в этой конструкции определенного артикля. Но, повторяем, стилистические оттенки его незначительны; в ряде случаев стилистический анализ, применяемый Р. Г. Пиотровским, произволен, грешит излишним психологизмом и, как указывалось выше, сливается с анализом грамматическим.

Самой большой по объему является четвертая глава рецензируемой книги — «Глагол», что естественно, так как именно в глаголе заложено наибольшее количество дополнительных стилистических оттенков. Этот раздел книги, полагаем мы, наиболее удался автору.

Нельзя возразить против стилистического толкования исторического предфекта (стр. 163—165); его экспрессивная, эмоционально насыщенная значимость убедительно раскрыта на материале из Руссо («Les Confessions»). Автор правильно видит в некоторых употреблении предфекта (*passé simple*) возможность подчеркивания возвышенного или патетического характера высказывания и удачно комментирует с этой точки зрения диалог Пьера Нюьера и мадам Ганс у А. Франса (стр. 156). Хочется только добавить, что в приведенном на той же странице отрывке из автобиографической повести М. Тореза «Сын народа» предфект придает повествованию не только эпитетность, как отмечает Р. Г. Пиотровский, но, в сочетании с лексическими средствами, большую выразительность и эмоциональность. Однако нам кажется, что на стр. 173—175, говоря об описательных возможностях *passé simple* и *passé composé*, автор относит к стилистике то, что принадлежит по праву грамматике, в частности в параграфе 123 (стр. 174—175), где он разбирает видовые оттенки обоих предфектов, простого и сложного.

Некоторые возражения вызывает трактовка имперфекта. Р. Г. Пиотровский обращается к имперфекту дважды — вначале он разбирает его повествовательные возможности, хотя и считает их незначительными (§ 115, стр. 165—168), вторично он привлекает к нему внимание в разделе «Прошедшие времена, выполняющие описательные функции» (§ 118, стр. 169—173). Имперфект индикатива действительно выполняет некоторые повествовательные функции, и тогда он обладает очень яркой стилистической окраской. В первую очередь это «*imparfait pittoresque*», «*imparfait de narration*», «*imparfait stylistique*», как его различно называют различные лингвисты. К этому стилистическому употреблению имперфекта автор дает хорошие языковые иллюстрации на А. Франса (стр. 166) и М. Тореза (стр. 167, 168). Наряду с убедительными при-

мерах, Р. Г. Пиотровский помещает и комментирует отрывок из «Кармен» Мериме (стр. 166). Между тем в фразе Мериме: «...Je marchais derrière comme un brigadier doit faire en semblable rencontre» «... я шел сади, как полагается в таком случае ефрейтору» — мы имеем обычный имперфект, представляющий действие, в силу своих исконных видовых свойств, длившимся, растянутым. Любопытно заметить, что в другом разделе (стр. 170), где речь идет о характерном для имперфекта видовом употреблении, автор помещает аналогичные примеры: «...à cette époque on écoutait tout le temps la radio, on espérait tellement des nouvelles...» (E. Triolet, *Les fantômes armés*) «...в то время не переставая слушали радио, так наделись услышать новости».

С точки зрения грамматической и стилистической нет никакой разницы в использовании *imparfait* между *je marchais* и *on écoutait*. Весь раздел, посвященный описательному имперфекту, целиком относится к области грамматики, что особенно отчетливо обнаруживается в отрывке из новеллы Монассана «Пьерро» (стр. 172—173), где мы можем наблюдать обычное в рассказе чередование *imparfait* и *passé simple*. Это грамматическое значение имперфекта следовало бы в книге подчеркнуть и отделить от стилистического. Вместе с тем не все стилистические возможности данной формы раскрыты; так, например, автор не упоминает об употреблении имперфекта, называемом в нормативных грамматиках «модальным», типа: «*Encoire un pas, et elle tombait*». «Еще один шаг — и она упала бы». Этот вариант условной конструкции нам представляется стилистически окрашенным.

Наконец, вызывает недоумение тот факт, что в главу, посвященную глаголу, не вошло описание «будущего предварительного» (*futur antérieur*) в тех случаях, когда оно относится к прошлому. Нам кажется, что это употребление в значительной степени следует рассматривать в стилистическом плане.

Хотелось бы ввести в «Очерки по грамматической стилистике» и явления синтаксиса, тем более, что хотя автор и ограничивает себя подзаголовком «морфология», но на самом деле в книге имеются элементы синтаксиса и их следовало бы только расширить. Так, например, в главе второй «Имя прилагательное и его грамматические синонимы» (стр. 83—90) автор оперирует не только морфологическим материалом, но и синтаксическим. Он фактически касается вопросов синтаксиса и на страницах 136—141, трактуящих безличные конструкции. Правильно отмечает акад. В. В. Виноградов: «...вопросы об экспрессивных оттенках предикативных форм и оборотов (например, глагольных форм времени и наклонения, безличных глаголов и т. п.) относятся уже к области или лексики, или синтаксиса, а тем самым и соответствующих разделов стилистики»¹.

Нам представляется, что при переиздании «Очерков» следовало бы увеличить объем книги, включив в нее и вопросы синтаксиса в стилистическом освещении. Одновременно в некоторых разделах целесообразно было бы произвести сокращения².

В заключение нельзя не упомянуть о некоторых шероховатостях стиля. Громоздко и тяжеловесно изложен § 91 на странице 133: «Стилистико-смысловые и экспрессивные возможности третьего лица [личных местоимений. — О. Н.] вытекают, во-первых, по линии противопоставления последнего первому и второму лицам местоименно-глагольных форм, во-вторых, по линии сравнения различных синонимических форм выражения значения третьего лица». Двусмысленна фраза на стр. 144: «Синонимические «встречи» *présent* и *imparfait* происходит обычно в дополнителных придаточных предложениях, зависящих от глаголов говорения и чувствования, употребляемых в одном из прошедших времен: *Il m'a dit qu'il est ('tait) malade*». Слово «встреча» можно понять как одновременное употребление указанных времен в одном предложении, чего, конечно, автор не предполагал.

В последнем абзаце на стр. 17 автор злоупотребляет словом «обычно», а на стр. 18 излишне часто повторяется: «разновидности и формы функционирования языка». Однако книга написана в целом хорошим языком, погрешности стиля незначительны; мы упомянули о них только потому, что кособоко по стилистике следует предъявить особо строгие требования в отношении стиля — он должен быть безукоризненным.

О. В. Кржевская

¹ В. В. Виноградов, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, ВЯ, 1955, № 1, стр. 65.

² Так, например, едва ли нужно сообщать читателю и иллюстрировать длинными отрывками, что форма единственного числа 2-го лица личных местоимений употребляется при обращении говорящего к близким людям и членам семьи, а формой множественного числа пользуется при обращении к посторонним (стр. 127—128).